

RU

Аксиологические особенности концептов ШИУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской лингвокультуре

Богданова Е. А., Джандар Б. М., Хачмафова З. Р.

Аннотация. Цель исследования заключается в определении аксиологических особенностей объективации концептов ШИУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской лингвокультуре. В статье рассмотрены особенности языковой репрезентации морально-этических категорий добра и зла в адыгской языковой картине мира через призму ценностной концептосферы. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые раскрыта лингвокультурная специфика актуализации ценностных характеристик концептов ШИУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской языковой картине мира. Проводится анализ особенностей лексической и фразео-паремиологической объективации концептов ШИУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской лингвокультуре. В результате исследования установлено, что концепты ШИУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО), являясь этической оппозицией, объективируются имплицитно и эксплицитно различными языковыми единицами, отражают нравственные ценности адыгов и определяют ценностные доминанты национального языкового сознания. Оппозиция ШИУ/БЗЭДЖАГЪ связана как с материальными, так и с духовными ценностями адыгского лингвокультурного сообщества.

EN

Axiological features of the concepts of ШИУ (GOOD) and БЗЭДЖАГЪ (EVIL) in the Adyghe linguoculture

E. A. Bogdanova, B. M. Dzhandar, Z. R. Khachmafova

Abstract. The aim of the research is to define the axiological features of the objectification of the concepts ШИУ (GOOD) and БЗЭДЖАГЪ (EVIL) in the Adyghe linguoculture. The paper considers the peculiarities of the linguistic representation of moral and ethical categories of good and evil in the Adyghe linguistic picture of the world through the prism of the value conceptsphere. The scientific novelty of the research consists in the fact that it reveals for the first time the linguocultural specifics of the actualization of the value characteristics of the concepts ШИУ (GOOD) and БЗЭДЖАГЪ (EVIL) in the Adyghe linguistic picture of the world. The analysis of the peculiarities of lexical and phraseological-paremiological objectification of the concepts ШИУ (GOOD) and БЗЭДЖАГЪ (EVIL) in the Adyghe linguoculture is carried out. As a result of the research, it was established that the concepts ШИУ (GOOD) and БЗЭДЖАГЪ (EVIL), being an ethical opposition, are objectified implicitly and explicitly by various linguistic units, reflect the moral values of the Adyghe and determine the value dominants of the national linguistic consciousness. The opposition ШИУ/БЗЭДЖАГЪ is connected with both material and spiritual values of the Adyghe linguocultural community.

Введение

Современная научная антропоцентрическая парадигма в совокупности с репрезентативным потенциалом языковых единиц способствует развитию лингвокультурологических и лингвоаксиологических исследований.

Актуальность исследования обусловлена обращением к проблеме осмысления специфики вербализации добра и зла как морально-этических категорий в адыгской лингвокультуре, что способствует более глубокому пониманию ценностных установок данного этноса.

Исследования адыгской лингвокультуры достаточно фрагментарны. Изучение базисных концептов этнокультуры расширит представления об основных элементах национальной картины мира адыгского этноса (Бижева, Кремшокалова, Хелми, 2013).

Актуальность описания концептов ШИУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) для лингвокультурного сообщества определяется их широкой репрезентацией на уровне лексики, фразеологии, свободных сочетаний. Мы исходим из того, что полное описание языковой репрезентации того или иного концепта возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его объективации (Пименова, 2005, с. 29).

Теоретическое и практическое значение результатов исследования обусловлено вкладом в дальнейшее развитие лингвокультурологии, лексической семантики, лексикологии адыгейского языка, теории и практики перевода с адыгейского языка на русский.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1) описать особенности лексикографической представленности номинаций концептов ШУ (ДОБРО) и БЗЭД-ЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской языковой картине мира;

2) исследовать понятийные, образные, ценностные характеристики концептов ШУ (ДОБРО) и БЗЭД-ЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской языковой картине мира;

3) проанализировать репрезентацию этической оппозиции понятий добра и зла в адыгской лингвокультуре.

Материалом для исследования послужили языковые единицы, актуализирующие рассматриваемые концепты, извлеченные методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников (толковые, синонимические, фразеологические, двуязычные словари адыгейского и кабардинского языков):

- Адыгабзэм изэхэф гушчыгаль (Толковый словарь адыгейского языка) / сост. А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1960;

- Адыгэ псалгальэ (Словарь кабардино-черкесского языка) / сост. М. П. Багов. М.: Дигора, 1999;

- Адыгэ псалгэжъхэр (Адыгские пословицы) / сост. А. Гукемухов, З. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1994;

- Адыгэ урыс псалгальэ (Кабардино-черкесско-русский словарь) / сост. М. Л. Апажев, Дж. Н. Коков. Нальчик: Эльбрус, 2008;

- Адыгэ-урыс гушчыгаль (Адыгейско-русский словарь) / под ред. Ж. А. Шаова. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1975;

- Блягоз З. У., Тхаркахо Ю. А. Русско-адыгейский фразеологический словарь. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1993;

- Пословицы и поговорки народов Карачаево-Черкесии / сост. Р. А.-К. Ортабаева, М. Мижаев и др. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Карачаево-Черкес. отд-ние, 1990;

- Русско-адыгейский словарь / под ред. Х. Д. Водождокова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960;

- Тхаркахо Ю. А. Фразеологический словарь адыгейского языка. Майкоп – Краснодар: Адыгейское книжное отделение, 1980;

- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1977. Т. 1-2.

К исследованию также привлекались данные Адыгейского корпуса (http://adyghe.web-corpora.net/adyghe_corpus/search).

Теоретической базой исследования послужили труды Р. Лангакера (Langacker, 1988), Н. Ф. Алефиренко (2003), В. И. Карасика (2004), М. В. Пименовой (2005), Н. А. Бесединой (2008), Ю. Е. Прохорова (2009), посвященные проблемам определения концепта и его составляющих, концептуализации языковой картины мира и способам репрезентации концептов в лингвокультуре. Учитывались работы З. Х. Апшаевой (2018), С. К. Башиевой, А. И. Геляевой, М. Ч. Шогеновой (2022), которые представляют комплекс исследований универсальных и этнических культурных концептов в архетипическом сознании современной языковой личности на материале русской и кабардино-черкесской языковых картин мира.

Важным аспектом исследования явилось определение аксиологической составляющей лингвокультурной концептуализации добра и зла в адыгской языковой картине мира, что стало возможным благодаря трудам З. Х. Бижевой, М. Ч. Кремшокаловой, С. Н. Хелми (2013), М. Д. Тагаева (2023), дающим описание процесса лингвокультурной концептуализации и аксиологического компонента языковой картины мира.

Концепты ШУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) описываются с опорой на предложенную В. И. Карасиком (2004) структуру концепта, в которую входят понятийная, образная и ценностная характеристики.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие методы исследования: методы наблюдения и описания как общенаучные методы; методы дефиниционного и компонентного анализа применялись при работе с лексикографическими источниками и описании структуры лексических единиц, репрезентирующих концепты ШУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО); для выявления признаков, характеризующих концепты ШУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО), применялся концептуальный анализ; при исследовании структуры и семантики лексических единиц, репрезентирующих исследуемые концепты, использовался метод структурно-семантического анализа.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания адыгейского языка и культуры, при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, лингвокультурологии. Кроме того, представленный в статье опыт интерпретации концептов ШУ и БЗЭДЖАГЪ может использоваться для словарного представления понятий добра и зла при наполнении Адыгейского корпуса.

Обсуждение и результаты

Сложность определения термина «концепт» обусловлена рассеянностью концепта в языковом сознании и в языковой картине мира, в литературном жанре, в понятийной системе, составляющих концептосферу (Прохоров, 2009, с. 9). Репрезентация концептов связана с процессами восприятия явлений и результатом познания

и мышления, которые отражаются системой языка (Алефиренко, 2003). Как известно, описание концепта в языковой картине мира представляет собой подробное описание его проявлений на языковом уровне: анализ лексических единиц, этимологии, синонимов, антонимов, их сочетаемости, фразеологизмов. Анализ семантики отдельных лексических единиц раскрывает понятийную составляющую концепта. Но понятие не может быть приравнено к концепту, так как концепт включает в себя также денотативное и коннотативное содержание лексической единицы, включая как индивидуальный, так и национальный характер (Беседина, 2008, с. 9). Семантическая структура значения характеризуется как особый вид концептуальной структуры (Langacker, 1988). Таким образом, концептуальный анализ следует начинать с исследования отдельных лексем, репрезентирующих концепт. Базовые лексические единицы позволяют определить границы номинативного поля концепта и установить номинативную ценность языковых знаков, репрезентирующих концепт.

Рассмотрим лексическую наполняемость исследуемых концептов ШУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской языковой картине мира. Если обратиться к данным словарей, то обнаружится значительное количество вариантов адыгейских лексических единиц, относящихся к понятийной сфере концепта ШУ (ДОБРО). Это явление обусловлено тем, что ближайшие родственные адыгейские языки – адыгейский и кабардинский – взаимообогатились лексемами, определяющими понятия добра, так как, несмотря на тесную взаимосвязь этих языков, они изначально имели различную этимологию слов, определяющих изучаемые понятия, которые потом переходили в родственный язык, несколько изменяя исходный оттенок значения. Выстраивается следующий синонимический ряд: **шлу**, **псапэ**, **мыльку**, **дэгъу**, **хьер** (Толковый словарь..., 1960). Рассмотрим приведенные синонимы с точки зрения оттенка значения, заключающегося в каждом из них.

Шлу означает «хороший», «добро» и является ядром тематического поля.

Псапэ означает «благодетель», «доброе дело, за которое воздается на том свете». Слово *псапэ* членится на *псэ* – душа и элемент *пэ*. Второй компонент трудно отделить от *пэ* «нос», «передняя часть», здесь могло быть «предстоящее». Мы видим, что данное слово несет преимущественно религиозный смысл.

Мыльку употребляется в основном в разговорной речи, означает добро в смысле состояния, имущества, несет материальный характер значения, что также подтверждается этимологией данного слова: адыгейское слово *мыльку* произошло от арабского слова “*mulk*”, что означает «владение», «собственность», «недвижимое имущество».

Дэгъу является разговорным и даже просторечным вариантом, означает «добро», но чаще всего «хороший», исконное значение слова – пора зрелости, расцвета.

Хьер означает «добро», «благо», «выгода», «польза», «прок», «толк», а также «радость» (Адыгейско-русский словарь, 1975).

Интересными для анализа представляются слова, обозначающие в адыгейском языке понятие «добрый». Следующие имена существительные могут также выступать в роли прилагательных: *шлу* и *дэгъу*; к ним добавляется слово «мафэ», которое прежде всего употребляется в значении «день», но в определенном контексте «мафэ» имеет значение, антонимичное значению «мыгъуэ» (злосчастный, приносящий несчастье другим, неудачливый), и означает «добрый», «счастливый» (Кабардино-черкесско-русский словарь, 2008).

Проанализировав данный синонимический ряд, можно сделать выводы о том, что для носителя адыгейского языка характерно многоплановое восприятие добра: «добро» как абстрактное понятие; «добро» как религиозное понятие; «добро» как материальное понятие; «добро» как понятие, сопутствующее зрелости личности; «добро» как реальная выгода и «добро» как счастье и радость. Необходимо обратить внимание на то, что совсем не случайно слово «мафэ» (день) имеет дополнительное значение «добрый» (Толковый словарь..., 1960). Такое неожиданное значение может объясняться тем, что для сознания носителя адыгейского языка и культуры характерно воспринимать каждый день как день, несущий добро и счастье, то есть человек от каждого дня ждет все только положительное и старается извлечь из него только добро. Наряду с таким восприятием дня проследживается идея жизненного оптимистического настроя. Подробнее осветить понятие добра нам поможет анализ сочетаемости слов, означающих добро в адыгейском языке.

Анализ словарных статей позволяет выявить следующую сочетаемость слов, означающих «добро» в адыгейском языке: **шлу кьыдэхъунэу телон** (желать добра кому-то); **шлу шлэн, псапэ шлэн** (сделать добро); **шлуклэ угу кьэгъэкъыжын** (помянуть добром); **мыльку угъоин** (накопить добро); **шлуфэшлэп** (не к добру); **Изын етын** (дать (получить) добро на что-либо) (Шагиров, 1977, т. 2).

Из приведенной сочетаемости и анализа синонимического ряда слов, отражающих понятие «добро», видно, что это понятие довольно хорошо развито в адыгейском языке, так как различные оттенки и аспекты добра четко выражены и конкретизированы за счет синонимов.

Как и понятие «добро», понятие «зло» в адыгейском языке имеет некоторое количество синонимов, отличающихся оттенками значения и случаями употребления. Можно перечислить следующие синонимы, вошедшие в этот ряд: **бзэджагъ**, **мыхъун**, **зэар**, **губж**, **е** (Толковый словарь..., 1960).

Бзэджагъ означает «зло», «злодейство», оно противостоит ШУ, является его антонимом.

Мыхъун и **зэар** употребляются в значении «зло», определяют зло как результат определенного действия человека в отношении другого человека, то есть в данном случае речь идет о зле как продукте деятельности.

Губж означает «зло» и употребляется с оттенком необдуманности действий, зло, порожденное эмоциями, которое в свою очередь порождает необдуманные действия, влекущие за собой негативные последствия. Не случайно губж является составляющим слова губжын, которое означает «сердиться».

Е может выступать и как существительное, и как прилагательное. Оно означает «зло», «дурное», «плохое», возможно, имеет связь с междометием «йэ», выражающим в некоторых адыгейских языках осуждение и сожаление, а также возглас гнева. Словари указывают на возможную связь этого слова с устаревшей лексемой «ие», что означает «злой дух» (Шагиров, 1977, т. 1).

Необходимо уделить внимание слову *бзаджэ*, означающему «злой», «хитрый», «баловник», «зло», «брань», «ругань», «нечистоты». Слово происходит от бзэ «язык», «речь» и суффикса *джэ* (Шагиров, 1977, т. 1).

Приведенные синонимы дают следующие характеристики понятия «зло» в картине мира носителя адыгейского языка: абстрактное понятие, противоположное добру, результат действий человека, результат негативных эмоций человека, проявляется в речи человека наисильнейшим образом; зло воплощается часто в хитрости и ассоциируется с нечистотами (Адыгейский корпус).

Основные словарные *сочетаемости слов, выражающих понятие зло* в адыгейском языке, таковы: **шылагъэм ипэгъоклэу е пшэн** (отплатить злом за добро); **мыхъун ешэн** (причинить зло); **губжым кы-хэклэу зеклон** (сделать со зла); **гур егъэплъы** (зло берет); **гужь фырилэн** (затаить зло на кого-либо); **шыф бзадж** (злой человек); **гухэль бзадж** (злой умысел) (Русско-адыгейский словарь, 1960).

Из приведенной сочетаемости видно, что в картине мира носителя адыгейского языка зло является объектом и субъектом действия, может характеризовать действие и его результат, является характеристикой поведения человека и антонимичным понятием по отношению к понятию добра. Но необходимо также отметить, что добро и зло не определяют друг друга путем установления противопоставления: что не несет добро, то является злом, и наоборот – что не является злом, то добро. Человек может не быть злым и может не быть добрым одновременно, так же как и поступки, совершаемые человеком, но важно, что если человек злой, то он не может быть добрым, и если он добр, то не может быть злым.

Специфика мировосприятия этноса представлена культурными архетипами, отражающими нормативно-ценностные ориентиры лингвокультурного сообщества. Совокупность культурных архетипов выступает как средство категоризации мира «в этнической координате, в которой зафиксирована аксиологическая парадигма этноса» (Башиева, Геляева, Шогенова, 2022, с. 147). Паремии являются одними из наиболее репрезентативных единиц языка, транслирующих и наполняющих культурные архетипы (Тагаев, 2023, с. 114). Полное представление о лингвокультурной концептуализации добра и зла в адыгейской языковой картине мира возможно только при условии анализа фразеологизмов, пословиц и поговорок, которые являются знаками культурного кода и вербализаторами образного и ценностного компонентов концептов ШПУ (ДОБРО) и БЗЭД-ЖАГЪ (ЗЛО). Фразеологические и паремиологические единицы в силу своей лаконичности и информативности о народном мировоззрении позволяют эксплицировать специфические элементы национальной картины мира. Отметим, что ряд универсальных ценностей и понятий формирует общечеловеческую культуру. Но каждая национальная культура имеет свои особенности формирования, специфические условия развития, что ведет к различиям в восприятии действительности. Аксиологический потенциал фразеологизмов и паремий делает возможным изучение нормативно-ценностной картины мира того или иного этноса, а дихотомия добро/зло является основным мерилем человеческих ценностей. В адыгейской лингвокультуре добро и зло представляют противоположные понятия, наполняющиеся различными ассоциациями и добавочными смыслами (Апшаева, 2018).

В нормативно-ценностной картине мира носителей адыгейского языка и культуры добро определяется как моральная ценность. Так, можно отметить следующие адыгейские пословицы о добре и зле, которые позволяют описать отношение носителей языка к изучаемым концептам: *Ем 1умык1агъэм ш1ур ыш1эрэн* (Кто со злом не повстречался, тот добра не понимает); *Жъы дэгъу зыдэщымы1эм ныбжьык1э дэгъу цы1эн* (Там, где нет хороших стариков, там нет и хорошей молодежи); *Ош1ум умыгъотырэр уаем бгъотыжьыщтэп* (Того, что в хорошую погоду не нашел, в плохую не сыщешь); *Чылэ делэ хъурэн – делэмэ 1уш къэхек1ы* (Не бывает глупого селения – и среди дураков умный найдется); *Ш1у ш1эри псым хадз* (Делай добро и кидай его в воду) (Блягоз, Тхаркахо, 1993).

В картине мира носителя адыгейского языка можно выстроить следующую характеристику понятия добра: добро незаметно; доброту человека не чувствуют до тех пор, пока он не умрет; добро вечно; доброта – великое дело; доброго человека всегда хорошо встречают; доброта воспитывается старшим поколением.

Отметим, что в адыгейском языке концепт ШПУ (ДОБРО) включает в себя различные положительные моральные качества, не всегда конкретные. В адыгейском языке встречается подобная пословица: *Шъузыр дэгъумэ, унагъом къелатэ* (Если жена хорошая, семья растет, богатеет). Ключевое слово в данной пословице *дэгъу* (хороший). Таким образом, в адыгейском языке понимание добра достаточно абстрактно (Тхаркахо, 1980).

Добро в адыгейской картине мира мыслится как высшая нравственная ценность, частотно употребляется в языке, служит характеристикой человека, а также имеет значение «выгода, богатство, собственность». Но все-таки наиболее часто понятие «добро» употребляется в смысле нравственной ценности, характеризующей человека и его поступки.

Из последующих паремиологических единиц видно, что в сознании носителя адыгейского языка и культуры определено, что сделавший добро получит взамен только добро, например: **Бзаджэ пшлагъэу шы ущымыгугъ** (Сделав худо, не жди добра); **Шу зыш1эрэм шу фыщыль** (Кто делает добро, тому уготовлено добро). В то же время нельзя творить настоящее добро, надеясь получить его же взамен: **Ш1у ш1и псым хадз** (Делай добро и бросай его в воду) (Пословицы и поговорки..., 1990).

Во фразеологической картине мира носителя адыгейского языка можно выстроить следующую характеристику понятия *зла*: зло помогает понять добро; зло наносит ущерб; зла нужно опасаться; зло более заметное, чем добро; зло всегда возвращается; зло крайне отрицательно воспринимается в оценке личности человека,

например: *Е зыгу шльым шлум зыццуахьы* (Кто имеет в душе злое намерение, того обходит добро); *Еш еджэр-эм е кьыфакло* (Кто ищет зло, тот гибнет от зла) (Блягоз, Тхаркахо, 1993).

Для адыгского сознания характерно дуалистическое мировоззрение и выделяется невозможность познания добра без познания зла, например: *Е зыхэлъым шлу хэлъ* (Нет худа без добра); *Ем лумькагъэм шлур ышлэрэп* (Кто со злом не повстречался, тот добра не понимает); *Шлу зыдэщылэм лае щыл* (Где добро, там и зло) (Адыгские пословицы, 1994).

Таким образом, на основе адыгейских пословиц о добре и зле возможно сформулировать некоторые периферические когнитивные признаки исследуемых концептов:

1. **Добро оценивается как положительное качество человека, а зло – как отрицательное:** *Зыгу шлум ынэггу шлу* (У кого душа добрая, у того и лицо красивое). *Гъунэггур шлум ифэмэ – бжъымэ кьыптэхэ* (Если сосед хороший, то его влияние благотворно). *Дэггур дэхэм ыпшэ* (Хороший выше, чем красивый).

2. **Добро и зло часто взаимосвязаны:** *Е зыхэлъым шлу хэлъ* (Зла не знавший, добра не понимает). *Гуцылэ дахэм тамэ кьыбгуегакIэ, гуцылэ лаем узехегафэ* (От доброго слова взлетишь как на крыльях, от злого слова – упадешь).

3. **Добро безвозмездно и милосердно:** *Шлу шлэри псым хадз* (Делай добро и кидай его в воду).

Проведенный семантический анализ лексических единиц и концептуальный анализ паремий показал, что концепт ШЛУ (ДОБРО) в адыгейском сознании основывается на идее бескорыстного действия, добра как морального качества. Отличительная черта адыгейского сознания – идея воспитания добра старшим поколением у младшего, идея приветливости и гостеприимства по отношению к доброте и как проявление доброты. В свою очередь, концепт БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) представлен одновариантно: зло до добра не доводит, оценка «злой» намного сильнее, чем «добрый».

Результаты проведенного анализа пословиц и поговорок позволяют констатировать следующее: паремиологические единицы, являясь наиболее яркими экспликаторами народной мысли и опыта, репрезентируют национальную картину миру и являются носителями знаний, которые и составляют понятийно-концептуальную базу и различия в национальных картинах мира.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Лингвокультурная специфика и ценностные характеристики концептов ШЛУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) в адыгской языковой картине мира актуализируются совокупностью понятийных, образных и ценностных характеристик. В понятийной сфере концепта ШЛУ выделены следующие ключевые слова: *шлу, псапэ, мьлькы, дэггу, хьер*. Понятийная сфера концепта БЗЭДЖАГЪ репрезентируется ключевыми словами: *бзэджагъ, мыхъун, зэрар, губж, е*.

Образный и ценностный компоненты исследуемых концептов объективируются прежде всего фразеологическими и паремиологическими единицами, которые эксплицируют этно-лингвокультурные элементы национальной картины мира адыгского этноса. На основе анализа адыгейских пословиц о добре и зле установлены следующие когнитивные признаки исследуемых концептов: 1) добро оценивается как положительное качество человека, а зло – как отрицательное; 2) добро и зло часто взаимосвязаны; 3) добро безвозмездно и милосердно. Для носителя адыгейского языка характерно многоплановое восприятие добра: добро как абстрактное понятие; добро как религиозное понятие; добро как материальное понятие; добро как понятие, сопутствующее зрелости личности; добро как реальная выгода и добро как счастье и радость.

В картине мира носителя адыгейского языка зло – это: абстрактное понятие, противоположное добру; результат действий человека; результат негативных эмоций человека; проявляется в речи человека наисильнейшим образом; зло воплощается часто в хитрости и ассоциируется с нечистотами. Как показал анализ, зло является объектом и субъектом действия, может характеризовать действие и его результат, является характеристикой поведения человека и антонимичным понятием по отношению к понятию добра. Важно отметить, что добро и зло не определяют друг друга путем установления противопоставления: что не несет добро, то является злом, и наоборот – что не является злом, то добро. Человек может не быть злым и может не быть добрым одновременно, так же как и поступки, совершаемые человеком, но важно, что если человек злой, то он не может быть добрым, и если он добр, то не может быть злым.

В результате исследования элементов концептосферы адыгской картины мира мы пришли к выводу о том, что концепты ШЛУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО) представляют собой одну из основных этических оппозиций, определяющих доминанты национального языкового сознания. Изученная оппозиция включает многоплановые явления и связана как с материальными, так и с духовными ценностями этноса.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение концептуализации добра и зла в адыгской языковой картине мира в сопоставлении с другими лингвокультурами.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003.
2. Апшаева З. Х. Этические оппозиции «ДОБРО/ЗЛО» – «ФІЫ/ІЕЙ» в русской и кабардино-черкесской языковой картине мира // Язык: история и современность. 2018. № 4.

3. Башиева С. К., Геляева А. И., Шогенова М. Ч. Универсальные и этнические культурные концепты в архетипическом сознании современной языковой личности // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4 (112).
4. Беседина Н. А. Принципы и механизмы морфологической репрезентации в языке // Филологические науки. 2008. № 6.
5. Бижева З. Х., Кремшокалова М. Ч., Хелми С. Н. Лингвокультурная концептуализация в контексте межкультурной коммуникации юга России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4 (76).
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.
7. Пименова М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы всерос. науч. конф. Екатеринбург: Уральский университет, 2005.
8. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2009.
9. Тагаев М. Д. Лингвокультурный код как способ аксиологического описания национально-культурного своеобразия языков // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1 (113).
10. Langacker R. A view of linguistic semantics // Topics in cognitive linguistics / ed. by B.Rudzka-Ostyn. Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Информация об авторах | Author information

RU

Богданова Елена Александровна¹, к. филол. н., доц.
Джандар Бетти Махмудовна², д. пед. н., проф.
Хачмафова Зайнета Руслановна³, д. филол. н., проф.
^{1, 2, 3} Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

EN

Elena Aleksandrovna Bogdanova¹, PhD
Betti Mahmudovna Dzhandar², Dr
Zaineta Ruslanovna Khachmafova³, Dr
^{1, 2, 3} Adyghe State University, Maykop

¹ elena-8306@mail.ru, ² inyaz06@rambler.ru, ³ zaineta@nextmail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.04.2024; опубликовано online (published online): 14.05.2024.

Ключевые слова (keywords): адыгская лингвокультура; концепты ШИУ (ДОБРО) и БЗЭДЖАГЪ (ЗЛО); ценностная картина мира; Adyghe linguoculture; concepts of ШИУ (GOOD) and БЗЭДЖАГЪ (EVIL); value picture of the world.